

Неужели это то самое поле? Вон и бугор, по которому я полз тогда под ливнем в грозу по колючей стерне. А потом скатился вниз, крепко держа в руках котомку с набранными колосками. Дождь же, не переставая, хлестал острыми струями. Сверкала молния...

Сегодня светило солнце и колосилась здесь рожь. Пел жаворонок. Дул лёгкий ветерок, и от его дуновенья рожь переливалась волнами, будто передо мной колыхалось не хлебное поле, а огромное красивое тёплое море. Ветер играл колосьями. Были они в наливе, и я любовался ими, зная, что в скором времени эти колосья с наливающими зёрнами превратятся во вкусный хлеб. Я смотрел, и перед глазами, как древний свиток, разворачивалась совсем иная картина дальнего времени на знакомом пологом бугре... Да, я узнал и таловый куст. Он сохранился, только стал выше и гуще, а вокруг него разрослась молодая поросль.

Было это давно. Только что сжали спелую рожь, и я шёл по стерне, пригибаясь к земле, собирал оставшиеся после жатвы колоски. Их было много, и я, торопливо хватая колоски, затакивал найденное в котомку, сшитую мамой. Стерня больно, до крови, колола босые ноги, а я всё равно шёл, опускался на колени и хватал колоски, боясь, что кто-то может их у меня отнять. Ведь в колосках был хлеб, которого в войну мы не видели, которого позабыли запах и вкус. Нас, сельских ребятишек, да и взрослых сопровождали голод и лишения, и мы ели всё, что считалось съедобным. Но за колоски, собранные в поле для себя, нас наказывали очень строго. Потому я оглядывался по сторонам, боясь, что кто-то может меня схватить, отвести в милицию...

Когда котомка наполнилась, я стал запихивать колоски в карманы штанов и за пазуху. Ость кололась, вонзалась в тело, но мне хотелось набрать колосков побольше. Думалось, что когда из этих зёрен получится мука, мама замесит тесто и испечёт настоящий хлеб. Счастье-то какое будет!

Быстро стемнело. Я бежал домой, торопился, спотыкался и падал, казалось, куда-то проваливался, вставал и вновь бежал, не выбирая дороги. И тут раздался оглушительный раскат грома. От испуга я присел. Грохот повторился, на этот раз ещё оглушительнее, полыхнула ослепительная молния, хлынул, как из ведра, ливень. С меня потоком стекала вода, а молния полыхала и разрезала небо на части. Становилось светло, как днём.

Идти в полный рост я опасался, потому пополз. В ушах звенело, словно в них колотились колокольчики. И тут показалось, что этот звон не в

ушах, а происходит перезвон колосьев несжатого поля. Это оно звенело многоголосьем, сливаясь в единый оркестр, наполняя чарующей музыкой окружающее пространство.

Домой я крался позади огородов, а ближе к дому побежал. Дождь перестал. Возле огорода стояла мама, и, увидев меня — мокрого, перепачканного грязью — ужаснулась, всплеснула руками:

— Где ты был? Я беспокоюсь, собралась идти тебя искать. Гроза вон какая страшная разыгралась.

— Колоски собирал.

— В такую-то погоду?!

— Когда пошёл, дождя не было.

— А ты, милый мой, знаешь, что собирать колоски в поле запрещено? Наказать могут, если поймают. Никто тебя не видел?

— Нет, я оглядывался... и никто по пути не встретился.

— Повезло, сынок. Молись Богу, что Он отвёл от тебя беду.

Мама прижала меня к себе и заплакала, проклиная войну.

Колоски мы высушили, вышелушили, мама пропустила зёрна через старую крупорушку, получилась мука, из которой испекли большой каравай душистого ржаного хлеба. Ох, и сладок был этот хлеб! До сих пор, кажется, что слаще я за свою жизнь и не ел ничего.

Потому-то и помнится этот дождливый с грозой вечер, колючая стерня, мокрое поле, которое утюжил своим худющим телом, прижимая к себе котомку с собранными колосками. Они сгнили бы в поле, а собранные мной напитали нас.

И ныне, мысленно оглядываясь назад, словно вновь вижу то мокрое поле как бы сквозь пелену белесого тумана. А вот каравай румяного духмяного хлеба вижу ясно — он просится в мои руки, его хочется взять, надломить и насладиться вкусом поджаристой корочки.

Ведь где хлеб, там и жизнь.